

24. Управление по работе с отдаленными микрорайонами Советского района Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ulan-ude-eg.ru/rayon/sovetsk/upr_otdal_mikro/ (12.05.2009).
25. Шманкевич Т. «Сжимающийся» город — новая сегрегация / Т. Шманкевич // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / Под ред. В. И. Дятлова, С. А. Панарина, М. Я. Рожанского. — М. – Иркутск: Наталис, 2005. — С. 295–307.
26. Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude / B. Zhimbiev. — London: The White Horse Press, 2000. — 121 p.

М. И. Найдорф

ОДЕССА. ГЛАВНАЯ УЛИЦА ГОРОДА

Осторожный автор любительской сетевой энциклопедии назвал Дерибасовскую «одной из центральных улиц Одессы» [3]. Формально он прав: не существует документа о присвоении этой улице на все времена особого статуса главной или центральной, хотя, традиция такая есть, и в отсутствие формальных оснований можно было бы апеллировать к общепринятому. Но, видимо, исторически сложившееся исключительное значение Дерибасовской для Одессы показалось автору не очевидным или, по крайней мере, не общеочевидным. Сомнение, следовательно, добралось до символа, в развенчании которого вроде бы никто не заинтересован.

В 1930-е годы Владимир (Зеев) Жаботинский в романе «Пятеро» восторженно назвал Дерибасовскую «королевой всех улиц мира сего», оговорившись, впрочем, что «такие вещи доводами не доказываются». Напомню этот отрывок: «Это произошло на Дерибасовской, года через два после начала нашего рассказа. Редакция наша находилась тогда в верхнем ее конце, в пассаже у Соборной площади; и, по дороге туда, ежедневно я проходил то всей длине этой улицы, королевы всех улиц мира сего. Почему королевы, доводами доказать невозможно: почти все дома с обеих сторон были, помнится, двухэтажные, архитектура по большей части среднего качества, ни одного памятника. Но такие вещи доводами не доказываются; *всякий титул есть мираж* (курсив мой — М.Н.), и раз он прилип и держится не отклеиваясь, значит — носитель достоин титула, и баста. Я, по крайней мере, никогда в те годы не мог бы просто так прошмыгнуть по Дерибасовской, как ни в чем не бывало, не отдавая себе отчета, где я: как только ступала нога на ту царственную почву, меня тотчас охватывало особое сознание, словно произошло событие, или выпала мне на долю привилегия, и я невольно подтягивался и пальцем пробовал, не развязался ли галстук; уверен, что не я один» [4].

В последний раз Жаботинский был в Одессе в 1915 году, его «Пятеро» питались воспоминаниями юности. Описание Дерibasовской Семеном Юшкевичем в повести «Улица» тоже относится к началу XX века. Юшкевич пишет о Дерibasовской так, как можно сказать только о главной улице, что она «таинственно властвует над городом»: «На Дерibasовской всегда много народа — днем, вечером, в праздник, в будни, весной, зимой... Всегда на ней густо, шумно, тесно, грубо, нежно, очаровательно и страшно. Изрезанная во всю длину переулками, улицами, замкнутая собором и морем, она своими прелестными старинными домами, своим садом, неожиданно появляющимся за зеленой решеткой, своими отелями, кофейнями, ресторанами, магазинами, своим простором, большим куполом радостного неба, суетой, движением таинственно властвует над городом» [11, с. 77].

«Таинственная власть миража» — так можно сказать о символе как знаке особого рода, который отсылает не к частичному знанию (знанию о чем-то), а к целостному пониманию, т.е. к системе представлений, в рамках которой рождаются значения [6, с. 100]. В приведенных выше описаниях Дерibasовская — не просто улица с известным набором свойств, но особое *место* в Одессе, чье символическое значение открывается вместе с пониманием устройства и духа города в целом. Это чувство городского пространства порождало ту властную силу, которая заставляла, вступая на Дерibasовскую, «пальцем пробовать, не развязался ли галстук», и которая влекла на Дерibasовскую «много народа — днем, вечером, в праздник, в будни, весной, зимой...» [4].

Интересно, что в «Одесских рассказах» Исаака Бабеля Дерibasовской нет. Если для персонажей «Улицы» Юшкевича Дерibasовская является смыслообразующим центром их жизни, то для персонажей Бабеля центр находится там, где они живут и работают. Бабелевская Одесса как бы целиком перемещена в один из ее районов, в рабочее предместье, где есть своя (бандитская) аристократия, свой Король и свое место, предназначенное для размышлений о смысле жизни — стена Второго еврейского кладбища.

Юшкевич противопоставляет их: окраину города и центр его, символизированный Дерibasовской. Он описывает, как в движении от окраины к центру «уже чувствовался город, его гулкий шум... Мчались сани, звенели бубенцы, мелькали меха, зимние шапки.

— Вот тут забываешь обо всем, — произнесла Соня, грустно улыгнувшись. — Ах, этот город, ах эти улицы!..

Чем ближе к Дерibasовской, тем веселее становилось обоим. Зачем думать о печальном? Сейчас они вступят в заколдованное царство любви» [11, с. 122].

Бабель совсем иначе понимает пространство, в котором живут его персонажи. Оно как бы и не городское, оно размечено вечными природными ориентирами — солнцем, морем, естественной размерностью человеческого существования. Оно предельно демократично, это пространство, потому что помещает каждого человека «посредине мира». Когда солнце «дошло

до середины блистающего неба» (рассказ «Любка Казак»), «дикие мужики из Нерубайска и Татарки, остановившиеся на Любкином постоялом дворе, полезли под телеги и заснули там диким залиvistым сном, пьяный мастеровой вышел к воротам и, разбросав рубанок и пилу, свалился на землю, свалился и захрапел посредине мира, весь в золотых мухах и голубых молниях июля. Неподалеку от него, в холодке, уселись морщинистые немцы-колонисты, привезшие Любке вино с бессарабской границы. Они закурили трубки, и дым от их изогнутых чубуков стал путаться в серебряной щетине небритых и старческих щек. Солнце свисало с неба, как розовый язык жаждущей собаки, исполинское море накатывалось вдали на Пересыпь, и мачты дальних кораблей колебались на изумрудной воде Одесского залива» [1, с. 185].

Создал ли Бабель альтернативное понимание Одессы, или только художественно зафиксировал его, но сторонники «Одессы без Дерибасовской» находят в его рассказах надежную опору. Весь минувший век шел этот подспудный спор о Дерибасовской, фактически же, спор об Одессе — о любви к ней, об обиде на неё, о желанном признании ею.

Повесть Ефима Ярошевского «Провинциальный роман-с» — лучшее из одесской прозы 1960-70-х [13]. В ней тоже нет ни слова о Дерибасовской. Пространство у Ярошевского устроено так, что в центре не нуждается и даже чурается его. Схватывание города происходит здесь из невозможной верхней точки, откуда город еще *кажется* живым: «Птицы покричали, посплетничали и успокоились. Внизу искрились трамваи, проносился с зажженным фонарем продавец мороженого с тачкой под разноцветным тентом. Покрикивали машины... Внизу был город. Там были обидчики. А тут птицы, друзья». Но читатели (ненапечатанная книга отрывочно была известна в Одессе с 1970-х) знали то, что знал и автор: «обидчики» эти оккупировали город, умертвили его, сделали жизнь в нем невыносимо бесцельной: «Гробом казалась ему его квартира. И он выбежал, с треском надевая плащ... Улицы были покрыты язвами. Большой, порочный тротуар, в лужах из мочевины и похабных трещинах. Боже! Куда идти? «Кому повем печаль свою?...» И тогда над ним плакало небо, осыпались акации. Покорно мок под ливнем Привоз. Все в слезах проходили кони» [13, с. 23].

Жизнь персонажей в этом оккупированном «ими» городе состояла из разговоров. И минимума действий. «Посещения, посещения. Вся жизнь состояла из посещений», — читаем у Ярошевского [13]. «Потом мы пошли к Степанычу. Он вел с собой изнурительные беседы:

— Болен я, вот что главное. Болен. Я болен так же, как они. Или болен мир? Это крайне важно выяснить. Может быть, мы оба больны? Я и мир? Нет. Мир прекрасен. Люди погубили его. И я тоже. Расплодился, толкаются. Живут, а жить не умеют...». Или так: «Напряженной жизнью жил подвальчик, выпархивали оттуда синие плазменные язычки: алкоголики опохмелялись теплой водкой... Серный дымок вился из преисподней, куда падали, спотыкаясь, ханыги квартала» [13, с. 35].

Писатель говорит: «Слабоумие витало в воздухе». Понятно, что жизнь переходила туда, где её не могло быть — в мечту, эстетическо-ироническую фантазию: «А ведь было время. Были времена... Когда распахивалась ночь. Когда ночь была, как писал поэт, «как пиршественный стол»... Мы шли с ним, пересекая дома и улицы, проходили сквозь здания, нарушая все правила видимого движения...» [13, с. 26]. При чем же тут Дерibasовская, если нет города, а есть лишь грёза, живущая ради себя самой?

Роман Вадима Ярмолинца «Свинцовый дирижабль “Иерихон 1986—1989”» [5] — вещь, написанная одесситом, живущим в США¹. Суровая пристальность авторского взгляда сохранилась, надо думать, отчасти благодаря эмиграции. Как и незамутненная память об оставленном месте. В сознании эмигранта навсегда замирает срез времени, оборванного в момент расставания.

Персонажи романа живут в Одессе. Но сказать, что роман — об Одессе, значит упростить дело. Ярмолинец описал обрушение СССР в опыте обычного человека, не предполагавшего даже, что государство, в котором он живет, скоро исчезнет. Как и большинство сограждан, герой чувствовал, что непредсказуемо изменчивая повседневность стала отторгать его, игнорируя любые усилия найти в ней своё место. В итоге он последовал за автором в эмиграцию. Не будем забывать, однако, что его соотечественники, те, кто никуда не уехали, в сущности, тоже эмигрировали: спустя недолгие годы они нашли себя в другом государстве и в непредвиденно другом, сильно переустроенном мире.

В распаде СССР не было никакого трагизма и величия. Это вам не гибель Помпеи по Брюллову. Ложь, лицемерие и цинизм вконец разрыхлили государственные институты, но они же до последнего прикрывали их немощь. Здравый смысл и любые формы общественной самоорганизации подвергались унижительной травле, оставляя частному человеку, обывателю выбирать между разочарованием и еще большим цинизмом. Не очень-то весёлый выбор. И роман Ярмолинца поэтому не веселый. Раздраженное недоумение не раз появляется на его страницах. Журналист, получивший кагэбэшное задание, досадует: «Где была моя страна? Где была та страна, в которой я мог бы заниматься любимым делом, а не выполнять поручения идиотов, преследующих свои идиотские цели? В то время, как пресса и телевидение только и трубили об обновлении общества, клещ из комитета поручил мне очернить покойника на том основании, что при жизни тот был буддистом. Чем этому козлу и его начальникам мог мешать этот безмолвно медитирующий отшельник?» [12].

Не нужно было далеко ходить, чтобы увидеть, что хаос в стране нарастает не только по вине «козлов» и «идиотов». Комсомольские вожди уже вцепились в возможность обогатиться. Под видом борьбы с идеологической опасностью из-за рубежа, они устроили облаву на сходку, где молодые люди обменивались записями рок-музыки. Овладев пластинками, комсомольцы обсуждали, как ими распорядиться. «Это был самый обыкновенный дележ награбленного.

Я не представлял, как это все вернется к своим хозяевам. Я хорошо представлял только, как оно могло разойтись по этим жадным рукам, как эти бойцы идеологического фронта будут слушать эту музыку сами, со своими телками и под свою водку, постепенно свыкаясь с мыслью, что это принадлежит им по праву сильных, в смысле — наделенных властью» [12].

В романе Ярмолинца два рода связей психологически помогают герою устоять: тепло человеческой близости и родство с городом — с его, доставшейся от прошлого, материальной неизменностью, ясной структурностью и функциональной осмысленностью. Одесса у Ярмолинца конкретна, неповторима, персонализирована. В романе по разным поводам приводится более двух десятков названий улиц, площадей и районов города. Вся топография подлинная. Подлинные имена означают предельную реалистичность романного пространства. Не условный «большой город», а именно Одесса. И не когда-нибудь, а в самом конце её советской истории — с тогдашними еще улицами имени Ленина, Карла Маркса и Карла Либкнехта, Советской Армии, Клары Цеткин, Франца Меринга, Бебеля и Проспектом Мираⁱⁱ. В некоторых случаях автор сопоставляет два названия одной улицы. Например, напоминает, что улица Баранова до революции называлась Княжеская, а улица Энгельса — так это в устах официального лица, а в частном общении она неизменно зовется по-старому Маразлиевской.

Это давний приём привязывать сочиненное действие к протокольно точной топографии, благодаря чему рассказанное кажется более достоверным. Но Ярмолинец не просто называет улицы. Пространство города у него надлежащим образом осмысленно. Например, исторический центр города (в романе прямо сказано, «с одной стороны — порт, с другой — ж/д вокзал») — это, преимущественно, пространство личных связей. А дела — редакция комсомольской газеты, новый бизнес («кооператив занимал подвал в пятиэтажке на улице Терешковой»), а также частные дома новых деловых людей — вынесены за пределы центра, в район, который раньше считался маргинальным во всех отношениях. Знаток старой Одессы, американский антрополог Стив Ципперштейн как-то заметил, что в историческом центре люди жили на расстоянии пешей доступности, что было существенно важным для поддержания дружеских контактов. Это наблюдение верно и для пространства романа «Свинцовый дирижабль»: дружили в советское время ещё по-старинке, без телефонов, с личной явкой.

Дерибасовская на карте романа может быть названа «одной из центральных улиц Одессы». Она в нем не «царствует». Случается, что по пути к цели герой пробегает её, сворачивая в ближайший переулок, однако, у него не возникает известного Жаботинскому чувства, «словно произошло событие, или выпала мне на долю привилегия» [4]. Позднесоветская Дерибасовская уже успешно десакрализована. Наиболее значимое её место в романе — неоднократно упоминаемый Первый гастроном, расположенный в самом её конце, в здании исторического Пассажаⁱⁱⁱ. Герой заходит туда купить банку болгарских огурцов — ради маринада, чтобы справиться с похмельем. Вот и всё.

Между тем, Пассаж — это тот край Дерибасовской, где она переходит в Соборную площадь^{iv}. Именно Соборка (без снесенного большевиками собора) оказывается в пространстве романа смысловым центром города. Ярмолинец пишет: «Странное дело — куда бы я ни шел, непременно оказывался на Соборной площади. Она была главным перекрестком города. И сейчас я снова оказался в сквере возле школы, которую когда-то окончил. Школы, которую построили из камней того самого взорванного собора, из-за чего, говорят, над зданием этим висело проклятье. Это было, конечно, натуральное суеверие, тем не менее, здание постоянно давало трещины. Его камни как будто были недовольны нынешним местоположением и стремились порвать навязанные им связи, чтобы вернуться на свои старые места» [12]^v.

Мы видим, что автор не только чувствует неожиданно возросшую важность Соборной площади как нового центра города, он ищет священный источник её значения. Смещение центра — следствие смещения его основной функции. При советской власти личное богатство таили, государственная власть репрезентировала себя на площади парадов с памятником Ленину (площадь Октябрьской революции), а Соборка с памятником графу М. С. Воронцову [2]^{vi} стала символизировать преобладающие интересы частной жизни: скамейки, девушки, цветочницы, свидания, пони, катающие детей, бабушки, читающие внукам книжки («На детской площадке шумела детвора. На соседней скамейке перекуривали две подружки. Обе были в очень коротких кожаных юбках и туфельках на каблуках» [12] и т.д.). Одесситы захотели чувствовать себя общиной частных лиц — вне интересов государства, вне политики и, пока еще, вне бизнеса, — и они нашли в Соборке место, символизировавшее эти ценности. На траурный митинг на смерть А. Д. Сахарова в декабре 1989 года одесситы сошлись на Соборке. Тогда это был, в их понимании, смысловой центр города.

Между тем, в народном сознании Дерибасовская оставалась центральной улицей и символом Одессы. В романе приводится текст песни, которую поёт местная рок-группа:

По Дерибасовской родной гуляю я степенно,
Смотрю я в лица и грущу, признаюсь, откровенно.
Зачем, скажите, нам нужны Ямайки и Гавайи,
Когда у нас в Одессе есть не хуже попугаи!

Впрочем, фольклор всегда обращен к прошлому.

В последнее лето XX века автор этой статьи провел со своими студентами семинар на тему «Дерибасовская 2000-го года». Участники констатировали, что функция центральной улицы к ней частично возвратилась. Прилегающая к Дерибасовской Греческая площадь стала тогда транспортным узлом, куда сходились автобусные маршруты, связывающие центр со спальными районами города. Поездка «в город», поэтому, почти всегда означала выход на Дерибасов-

скую. Городской сад стал по моде тех лет центром продажи изделий сувенирного ремесла. Улица покрылась сплошной линией кафе и стала полностью прогулочной. Пестро украшались витрины. Появились фотографии с мелкими животными, уличные художники и музыканты, и аттракционы для детей. Улице вернулась, пусть провинциальная, развлекательность. На Дерибасовской вновь стали вероятны случайные встречи, невозможные в других местах города. «Если вы ищете необычный интересный подарок, то вам стоит заглянуть в Горсад», — говорили студенты. К 2000 году Дерибасовская вновь стала «улицей радостных встреч и подарков», — констатировали участники семинара.

В последующие годы власти города предприняли ряд мер, которые отразились на положении главной улицы Одессы. Теперь и Греческая площадь стала пешеходной. Таким образом, центральная улица была исключена из «большого» транспортного обмена. Сувенирная торговля была перенесена из Городского сада на Соборную площадь. Преимущественное размещение на Дерибасовской вновь получили респектабельные магазины и рестораны. Отчасти изменились способы демонстрации статуса и богатства: шикарную одежду заменил шикарный автомобиль у дорогого ресторана. Поэтому более важным, «центральным» стал перекресток Дерибасовской с Екатерининской улицей и прилегающими кварталами, где можно припарковать автомобиль. Всё это частично изменило состав и плотность гуляющей на Дерибасовской публики.

И всё же Дерибасовская традиционно остаётся своего рода витринно-демонстративной улицей города. Через сто лет после возведения одного из лучших торговых центров тогдашней России — «Пассажа Менделевича» на Дерибасовской построили торговый центр «Европа» (2005), появление которого символизировало вновь возникшую на грани XX-XXI веков моду на торговые центры. Немного ранее на Дерибасовскую «вступил» один из первых в Одессе ресторанов «Макдональдс». По той же «фасадной» логике на Дерибасовской в начале 1920-х был учрежден первый в городе советский ЗАГС^{vii}, в 1960-х появился первый магазин современного тогда быта «Синтетика», а десятилетием раньше (1956) — жилой дом работников знаменитой китобойной флотилии «Слава» (Это о ней оперетта И. Дунаевского «Белая акция», 1955)^{viii}. Праздники, фестивали, народные гуляния и по сей час, чтобы получить признание общегородских, должны явиться на Дерибасовскую. Например, первоапрельская Юморина включает шествие по Дерибасовской. На центральную улицу выносят всё, что может считаться важным для города: от фестиваля клезмерских оркестров и ежегодной книжной ярмарки до массовых гуляний в День города, креативных флэш-мобов, торговых и политических рекламных акций.

Дерибасовская является центральной или «одной из центральных улиц» в Одессе по ряду причин. Прежде всего, топографически. Она расположена в центре исторически «ядерной»

части города. И сегодня старый центр остаётся территориально равноудаленным от обоих краёв города, далеко растянувшегося вдоль берегов Одесской бухты.

Во-вторых, институционально. Историки Одессы отмечают, что первоначальный, так называемый, деволановский, план застройки Одессы [10] не предусматривал единого общественного центра города^{ix}. Центральная улица, следовательно, исторически возникла в ответ на общественную потребность сосредоточить в одном месте учреждения, обслуживающие общепонятные нужды горожан. Тут был заложен первый городской сад (1803) [10]^x, открыта первая городская коммерческая гимназия (Вольсея, 1804) и первое высшее учебное заведение в Одессе (Ришельевский лицей, 1817). В разное время на Дерибасовской размещали то, что считалось общественно ценным, например, первую одесскую типографию, знаменитый кинотеатр (кино «Уточкино»), в советское время — крупнейший книжный и нотный магазин, одесское отделение Госбанка (1953), в досоветское и постсоветское время — торговлю с вывесками знаменитых иностранных фирм. К Дерибасовской улице примыкают три площади, одна из которых, Театральная, где в 1810 году (в 15-летней Одессе!) был открыт Городской театр, другая — Греческая со старейшим, давно уже не существующим Греческим рынком и Соборная.

В-третьих, символически. Концентрация общественно важных институций помещает главную улицу в центр общественного внимания, делает её как бы основной сценой города. Появление на этой сцене значимо и определено условностями оформления и поведения (как известно, на Дерибасовской не спешат, «по Дерибасовской гуляют постепенно»). Повышенная семиотичность [9] на этой сцене означает, кроме того, что некоторые события, происшедшие на главной улице, приобретают общественную значимость только по этой причине. Газетный заголовок «Водитель, устроивший голливудскую погоню на Дерибасовской, будет наказан» намекает на то, что преследование нарушителя воспринимается как кинотрюк потому, что оно произошло на Дерибасовской [7].

Эволюция культуры, породившая на протяжении минувшего столетия массовое общество, породила и новые условия функционирования центра городского пространства. Для населения большого города масштаб улицы уже мал. Прогулка по Дерибасовской теперь лишь часть прогулки по центру города, образованного системой прогулочных улиц. Отнесение транспортных узлов за пределы центра освобождает его от случайных посетителей. Зато основным фактором привлечения прогуливающихся становятся кафе и магазины, а разглядывание витрин само по себе стало привлекательным занятием. Наконец, центр города должен теперь иметь площадку для массовых шоу и митингов (включая рок-концерты, которые можно понимать как особого рода омузыкаленные митинги). А Дерибасовская изначально для митингов не годится.

Центр города, однако, остаётся площадкой саморепрезентации городской общины. Обычные покупки, прогулки, развлечения теперь доступны в микрорайонах поблизости места жи-

тельства. За необычным — в театры, музеи, выставки — едут «в город», в центр его исторической части, которая остаётся основным носителем одесской идентичности.

Примечания

ⁱ Первая публикация была в журнале «Волга» в 2008 году. Полагаю, что это лучшее из прозы, написанной об Одессе в недавние десятилетия.

ⁱⁱ Ни одного из этих названий сейчас нет, восстановленные образуют, конечно, иной семиозис.

ⁱⁱⁱ Первый гастроном был самый благополучный продовольственный магазин в Одессе, напомилавший по своей демонстративной функции «Елисейский» гастроном на улице Горького в Москве.

^{iv} Одесситы так и не признали за ней официального названия — площадь Советской Армии.

^v На месте разрушенного в 2000 г. был возведен новый Свято-Преображенский собор, повторявший, в основном, облик старого.

^{vi} Граф М. С. Воронцов был в 1823–1844 годах генерал-губернатором новороссийским и бессарабским.

^{vii} «Читателю все это может показаться невероятным, но таково было время. Паспортов не существовало, и браки легко заключались и расторгались в отделе актов гражданского состояния на Дерибасовской в бывшем табачном магазине Стамболи, где еще не выветрился запах турецкого табака. Браки заключались по взаимному согласию, а разводы в одностороннем порядке» [5].

^{viii} Официальным гимном города является «Песня об Одессе» из оперетты И. О. Дунаевского «Белая акация».

^{ix} «Что до единого общественного центра города, он действительно не был предусмотрен. Однако при сопоставлении деволановского плана Одессы и его модификаций 1803, 1809 и 1811 гг. сразу же бросается в глаза не столько отсутствие такого центра, сколько несоразмерно большое число крупных площадей, рассредоточенных в пределах намеченных границ города. Всего их восемь, расположены они примерно на равных дистанциях друг от друга и за исключением будущей Соборной площади — прямоугольны. Невольно возникает предположение, что отсутствие общегородского центра связано с "региональными" функциями этих площадей» [10].

^x Адмирал де Рибас, первый начальник и «собиратель» Одессы, сделавший столь огромный вклад в это оживление и обогащение причерноморских земель, кроме всего прочего оставил городу его самую знаменитую улицу — Дерибасовскую и двухэтажный дом с садом на этой улице, идущей от Соборной площади на Ришельевскую. В 1801 году, когда де Рибас жил

уже в Петербурге, в доме его помещалась канцелярия и квартира следующего градоначальника, герцога де Ришелье. Герцог, продолжая начатое де Рибасом, усердно занимался садом, развел там белую акацию и посадил собственноручно целые ряды диких каштанов. Это был первый сад на степной, раскаленной одесском земле. Сегодня сад можно назвать зеленым музеем Одессы. В нем сохранилось немало столетних деревьев [8].

Список литературы и источников

1. Бабель И. Одесские рассказы // Избранное. М.: Художественная литература, 1966.
2. Граф Воронцов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.odessitka.net/content/view/99/138/> (дата обращения 20.06.2012)
3. Дерибасовская. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E5%F0%E8%E1%E0%F1%EE%E2%F1%EA%E0%FF> (дата обращения 20.06.2012)
4. Жаботинский В. Пятеро. — М.: Независимая газета, 2002. — 333 с.
5. Катаев В. Алмазный мой венец. — М.: Советский писатель, 1979. — 224 с.
6. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamapg02/txt07.htm> (дата обращения 20.06.2012)
7. Милиция: Водитель, устроивший голливудскую погоню на Дерибасовской, будет наказан. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.odessa-daily.com.ua/lenta-od-novostey/45392-voditelya-porsche.html> (дата обращения 20.06.2012)
8. Одесса. История. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://live.od.ua/history/history/> (дата обращения 20.06.2012)
9. Фрумкина Р. «Единственное место, где молодой мечтает стать старым» // Отечественные записки. 2003. № 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/frumkina-pr.html>
10. Чарнецкий В. Загадка Деволана // Одесса. 1997. № 11-12. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://odessaglobe.com/russian/people/devolan.php> (дата обращения 20.06.2012)
11. Юшкевич С. С. Улица (из жизни одесских проституток). — Одесса: Оптимум, 2002. — 180 с.
12. Ярмолинец В. А. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86—89». — М.: Олимп: Астрель, 2010. — 349, [2] с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/volga/2008/4/ia2.html> (дата обращения 20.06.2012)
13. Ярошевский Е. Провинциальный роман-с. — Нью-Йорк: Lifebelt, 1998.